

ПЕТР ВЯЗЕМСКИЙ

ЗАМЕТКА ИЗ
ВОСПОМИНАНИЙ

Петр Андреевич Вяземский

Заметка из воспоминаний

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24527951

Аннотация

«Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катанья за городом, импровизированные завтраки, на которых сенатор Башилов, друг дома, в качестве ресторатора, с колпаком на голове и в фартуке угощал по карте, блюдами, им самим изготовленными, и, должно отдать справедливость памяти его, с большим кухонным искусством...»

Петр Вяземский

Заметка из воспоминаний

Мария Ивановна Римская-Корсакова должна иметь почетное место в преданиях хлебосольной и гостеприимной Москвы. Она жила, что называется, открытым домом, давала часто обеды, вечера, балы, маскарады, разные увеселения, зимою санные катанья за городом, импровизированные завтраки, на которых сенатор Башилов, друг дома, в качестве ресторатора, с колпаком на голове и в фартуке угощал по карте, блюдами, им самим изготовленными, и, должно отдать справедливость памяти его, с большим кухонным искусством.

Красавицы дочери ее, и особенно одна из них, намеками воспетая Пушкиным в «Онегине», были душою и прелестью этих собраний. Сама Мария Ивановна была тип московской барыни в хорошем и лучшем значении этого слова. В ней отзывались и русские предания екатерининских времен, и выражались понятия и обычаи нового общежития. В старых, очень старых, воспоминаниях Москвы долго хранилась молва о мастерской игре ее роли Еремеевны в комедии Фонвизина, которую любители играли где-то на домашнем театре. Позднее мама Митрофанушки любовалась в Париже игрою m-lle Mars. Все эти разнородные впечатления, старый век и новый век, сливались в ней в разнообразной стройности

и придавали личности ее особенное и привлекательное значение. Сын ее, Григорий Александрович, был замечательный человек по многим нравственным качествам и по благородству характера. Знавшие его коротко и пользовавшиеся дружбою его (в числе их можно именовать Тучкова, бывшего после московским генерал-губернатором) искренно оплакали преждевременную кончину его. Он тоже в своем роде был русский и особенно московский тип, отличающийся оттенками, которые вынес он из довольно долгого пребывания своего в Париже и в Италии.

Многие годы, особенно между предшествовавшими тридцатому году и вскоре за ним следовавшими, был он на виду московского общества. Все знали его, везде его встречали. Тогда еще не существовало общественного звания: светского льва. Но, по нынешним понятиям и по новейшей табели о рангах, можно сказать, что он был одним из первозванных московских львов. Видный собою мужчина, рослый, плечистый, с частым подергиванием плеча, он, уже и по этим наружным и физическим отметкам, был на примете везде, куда ни являлся. Умственная физиономия его была также резко очерчена. Он был задорный, ярый спорщик, несколько властолюбивый в обращении и мнениях своих. В Английском клубе часто раздавался его сильный и повелительный голос. Старшины побаивались его. Взыскательный gastronome, он не спускал им, когда за обедом подавали худо изготовленное блюдо или вино, которое достоинством не отвечало це-

не, ему назначенной.

Помню забавный случай. Вечером в газетную комнату убежал с тарелкою в руке один из старшин и представил на суд Ивана Ивановича Дмитриева котлету, которую Корсаков опорочивал. Можно представить себе удивление Дмитриева, когда был призван он на третейский суд по этому вопросу, и общий смех нас, зрителей этой комической сцены. Особенно памятна мне одна зима или две, когда не было бала в Москве, на который не приглашали бы его и меня. После пристал к нам и Пушкин. Знакомые и незнакомые зазывали нас и в Немецкую слободу, и в Замоскворечье. Наш триумvirат в отношении к балам отслуживал службу свою, наподобие бригадиров и кавалеров св. Анны, непременно почетных гостей, без коих обойтись не могла ни одна купеческая свадьба, ни один именинный купеческий обед. Скажу о себе без особенного самолюбия и честолюбия, но и не без чувства благодарности, что репутация моя по сей части была беспрекословно и подачею общих голосов утверждена. Вот этому доказательство. На одном бале, не помню по какому случаю устроенном в Благородном собрании, один из старшин, именем собратий своих, просил меня руководствовать или, скорее, *новогодствовать* танцами, прибавив без всякого лукавого и насмешливого умысла: «Мы все на вас надемся: ведь вы наша примадонна».

Чистосердечие и смирение вынуждают меня сознаться, что тогда нас было три примадонны.